

ЧЕРНЫШЕВА М. И.

ЭКВИВАЛЕНТЫ, ЗАИМСТВОВАНИЯ И КАЛЬКИ В ПЕРВЫХ СЛАВЯНО-РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ С ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Интерес к вынесенной в заголовок проблеме важен, во-первых, с точки зрения выявления места заимствований и калек в общей системе иноязычных элементов в переводе; во-вторых, определение взаимосвязей эквивалентов, заимствований и калек поможет объяснить такое интересное явление, отмечаемое исследователями славяно-русских переводов с греческого языка, как взаимозаменяемость этих трех феноменов.

Заимствования и кальки возникают в одном языке под влиянием другого языка, с которым он контактирует. Этот бесспорный факт вызвал представление о том, что кальки являются видом заимствований, или, по другой терминологии, видом «иноязычных элементов». Так, Я. К. Грот в своих «Филологических разысканиях» расчленил виды заимствований следующим образом: 1) усвоение чужих слов без всякого изменения (кроме окончаний — по законам языка); 2) переделка слова по-своему, т. е. по фонетическим и морфологическим правилам заимствующего языка; 3) перевод слова, составленного по чужому образцу [1]. В разряд «иноязычных элементов» вводит кальки и Э. Рихтер. Ее классификация «иноязычных элементов» такова: 1) заимствование чужой формы и чужого значения; 2) заимствование чужой формы для выражения своего значения; 3) заимствование чужого значения в родной форме [2]. Использование у Э. Рихтер двух показателей характеристики «иноязычных элементов» — форма и значение — оказалось полезным для определения разницы между кальками и заимствованиями. Б. Унбегаун разграничивает кальки и заимствования таким образом: заимствование — это перенос формы звуковой и формы значащей; в кальке заимствовано значение, внешняя же форма принадлежит заимствующему языку. Б. Унбегаун дает следующее определение кальки: «Калька есть заимствование внутренней формы» [3, с. 19].

Традиционно заимствования и кальки изучаются как самостоятельные явления — им посвящено большое число исследований. Предлагались самые разнообразные классификации калек (см. цитированную работу Б. Унбегауна [3], монографию К. Шумана [4]; в специальной статье Н. Мольнар делает попытку создать универсальную терминологию, в которой учитываются все типы калек [5]). Итогом наблюдений над природой калек явилась книга Л. П. Ефремова [6].

Среди работ, посвященных анализу калек, неожиданно мало таких, в которых бы разрабатывались проблемы семантических калек в славяно-русских переводах с греческого языка. Их природа и функционирование, видимо, несколько иные, отличные от качеств семантических калек, возникающих в современном состоянии языка (об отдельных явлениях, характерных для семантических калек, появившихся в сербохорватском языке под влиянием греческого языка, см. [7, 8]). На русском языке нам известна статья М. М. Копыленко, где рассматриваются семантические кальки в первых славяно-русских переводах, дошедшие до современного русского языка [9]. Однако до сих пор не обоснованы причины появления семантических калек в языке славяно-русских переводов, не выявлены признаки их выделения, не объяснено отличие семантических калек от эквивалентов, с одной стороны, и от неадекватных переводов, с другой. И главное — не определена языковая природа этого феномена. Таким образом, проблема семантических калек в славяно-русских переводах оста-

ется теоретически не разработанной. Можно признавать или не признавать существование в языке отдельных, интуитивно выделенных семантических калек, однако науке нужны надежные критерии их определения. Вплотную подходит к этим вопросам Е. М. Верещагин. Он разбирает четыре приема: транспозицию — «перенесение лексической единицы из всеобщего языка в групповой» (например, «переведение обиходного, вполне повседневного слова *слово* в разряд терминов, перенесение на него... особого комплекса сведений и ассоциаций» [речь идет о связи с семантикой греческого *λόγος*. — Ч. М.]) [10, с. 107]; заимствование; калькирование; и, наконец, ментализацию. Автор пишет: «Сущность приема осмысления, или ментализации, заключается в следующем. Если переводчик, прибегающий к трем известным приемам, работает исключительно на уровне лексических понятий, то ментализация — это переход с понятийного на более сложный и разветвленный фоновый уровень, перевод не исходного слова-термина, а какой-либо семантической доли из его смыслового объема» [10, с. 111]. Исследователь обращается, безусловно, к самой сути семантических калек — то, что названо транспозицией и ментализацией, является двумя сторонами одного явления. Заметим при этом, что Е. М. Верещагин ни разу не использовал само понятие «семантические кальки». Наблюдения, приведенные в статье, и само появление работы такого рода еще раз свидетельствует о необходимости теоретического осмысления этого языкового феномена.

Обратим внимание на тот факт, что исследователи переводных славяно-русских памятников так или иначе сравнивают между собой заимствования и кальки. Видимо, это не случайно. Между ними существует и некое родство, и взаимосвязь во внутренней природе. Важно понять картину взаимоотношений заимствований и калек, с одной стороны, между собой и их контакты с эквивалентами, с другой. Тогда только можно обратиться к вопросу об их поведении в переводном тексте и, в частности, к проблеме лексического варьирования. Речь идет о следующей разновидности лексического варьирования: о функционировании в переводе на равных правах заимствований (по другой терминологии, грецизмов) и славянских слов, сходных с ними по семантике. Об этом явлении В. Ф. Дубровина, исследовавшая заимствованную лексику в «Синайском патерике», писала: «Употребление грецизма и перевода могло быть вызвано разными причинами: принадлежностью отдельных частей памятника разным переводчикам, инициативой русских переписчиков в переводе встретившихся грецизмов, желанием внести разнообразие в язык памятника и т. д.» [11, с. 58]. Иначе трактует вопрос Е. М. Верещагин, анализируя особенности переводов Кирилла и Мефодия: «Лексическое варьирование — это свойство переводческой техники первоучителей славян». Это варьирование автор объясняет не внешней (редактирование текста и переписки с модификациями), а внутренней характеристикой текста. «Оно... возникло... одновременно с созданием первоначального перевода» [12]. Такая противоречивая трактовка вопроса двумя исследователями побуждает путем анализа взаимосвязей эквивалентов, заимствований и калек попытаться определить внутриязыковые возможности взаимозаменяемости интересующих нас феноменов в переводе.

Характеризуя эти явления, опираемся на две характеристики любой лексемы (т. е. лексемы сригинальных и переводных памятников): внешняя форма (звуковой облик) и внутренняя форма (семантические данные). Однако поскольку в данном случае мы имеем дело с переводными памятниками, то следует также учитывать еще один важный показатель — способ семантического наполнения внутренней формы лексемы переводящего языка. Можно указать на два таких способа: перевод (т. е. подбор лексемы с нужной семой в переводящем языке) и перенос семантики слова исходного языка. Необходимо принимать во внимание также и генетический признак, характеризующий условия появления того или иного феномена в переводе.

Эквиваленты в переводе имеют внешнюю форму переводящего языка, их существование возможно на основе общности или близости семантики

лексемы исходного языка и лексемы переводящего языка, т. е. внутренние формы лексемы исходного языка и лексемы переводящего языка характеризуются единой семантической наполненностью, в то время как внешние формы — разные. Удобнее всего иллюстрировать подбор эквивалентов на лексическом уровне, труднее — на любом другом. Ниже приводятся два примера, в которых более или менее точно наличествуют описанные признаки эквивалентов (о некоторых синтаксических сдвигах здесь не говорим — речь идет, главным образом, о совпадении семантики исходных и переводящих слов): $\delta\tau\iota\ \delta\epsilon\ \phi\upsilon\chi\eta\varsigma\ \nu\acute{o}\sigma\eta\mu\acute{\alpha}\ \epsilon\sigma\tau\iota\ \tau\acute{o}\ \kappa\alpha\kappa\acute{o}\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \pi\epsilon\pi\acute{\epsilon}\rho\iota\epsilon\gamma\omega\varsigma\ \zeta\eta\tau\epsilon\iota\nu\ \pi\epsilon\pi\acute{\epsilon}\rho\iota\ \theta\epsilon\omicron\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \mu\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau\alpha\ \mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \acute{\alpha}\pi\iota\sigma\tau\iota\alpha\varsigma,\ \pi\acute{\alpha}\sigma\iota\ \phi\alpha\nu\epsilon\rho\acute{o}\nu$ — а яко¹ же дшньныи недугъ есть, еже зълѣ и облишиемъ пытати о бзѣ, паче же безвѣриемъ (Изб. Св. 1073 г.¹, л. 4; безмѣриемъ), всѣмъ е(сть) явѣ. Изб. Св. 1073 г.², с. 1; $\acute{o}\ \delta\epsilon\ \prime\text{Α}\delta\acute{\alpha}\mu\ \acute{\epsilon}\gamma\epsilon\nu\eta\nu\sigma\epsilon\nu\ \nu\iota\acute{o}\upsilon\varsigma\ \tau\upsilon\sigma\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \theta\upsilon\gamma\alpha\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\varsigma\ \delta\upsilon\omicron\ \tau\acute{o}\nu\ \text{Κ}\acute{\alpha}\iota\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{o}\nu\ \prime\text{Α}\beta\epsilon\lambda\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{o}\nu\ \text{Σ}\eta\theta\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{\eta}\nu\ \prime\text{Α}\zeta\omicron\upsilon\rho\acute{\alpha}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{\eta}\nu\ \prime\text{Α}\sigma\omicron\upsilon\acute{\alpha}\mu\ \dots\ \acute{o}\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \text{Κ}\acute{\alpha}\iota\nu\ \acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\epsilon\ \gamma\upsilon\nu\alpha\iota\acute{\kappa}\alpha\ \tau\acute{\eta}\nu\ \pi\rho\acute{\omega}\tau\eta\nu\ \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\acute{\eta}\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \prime\text{Α}\zeta\omicron\upsilon\rho\acute{\alpha}\nu,\ \acute{o}\ \delta\epsilon\ \text{Σ}\eta\theta\ \tau\acute{\eta}\nu\ \delta\epsilon\upsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\nu\ \prime\text{Α}\sigma\omicron\upsilon\acute{\alpha}\mu$ Georg. Narmart., с. 6 — Адамъ роди сыны •Г•, а дщери двѣ, Каина, Авеля и Сифа и Азуру и Асуаму... Каинъ поять женѣ свою сестру •а•ю Азуру, Сифѣ же •в•ю Асуаму. Хрон. Г. Амарт., с. 31.

Следует добавить, что эквиваленты могут иметь сложную морфологическую структуру, не копируя строение исходного слова. Таким образом, внешняя форма словообразовательных эквивалентов (условно назовем их так) в ряде случаев может совпадать с внешней формой словообразовательных калек (ниже о них будет сказано подробнее), хотя сами они будут отличаться друг от друга по условиям возникновения, т. е. по генетическому признаку. Многочисленны примеры словообразовательных эквивалентов в переводных памятниках. Укажем немногие. Например, в Хрон. И. Малала. *ἱερωνική Mal.*, с. 106 — *βῆλοβιττα* V с. 13; *καταγόναιος* с. 104 — *люבודвигъ* V с. 11; *τελεία* с. 106 — *добролѣпа* V с. 12; *φελλος* с. 258 — *нѣморѣшиъ* X с. 25 и др. В Ефр. Корм. Л. В. Вялкина насчитала 34 двукоренных эквивалента, соответствующих однокоренным греческим словам: *ἀδελφότης* — *братолюбие*; *ἅγιος, ἀποκάλυπτος* — *богословъ*; *ἀγία* — *благовѣщение*; *χρηστεύομαι* — *благовѣствовати*; *ἀγαθότης, χάρις* — *благодать, благодѣть*; *γενικός* — *благородный*; *ἀρετή* — *добродѣтель*; *δῖς* — *дѣвократь*» и т. д. [14, с. 108].

В заимствованиях сохраняется внешняя форма исходного языка (о морфологической адаптации здесь не говорим), их семантическая зависимость выражается в переносе семантики лексемы исходного языка в переводящий язык. Таким образом, заимствование отличается от эквивалента по двум показателям — т. е. это явление абсолютно иное.

Прежде чем перейти к определению взаимосвязей калек с заимствованиями и эквивалентами, следует, хотя бы в общих чертах, расчленить кальки. Можно выделить два типа калек: структурной и семантической. Структурные кальки представляют собой воспроизведение морфологической решетки исходных слов. В данной работе разбираем только один вид структурных калек — словообразовательные кальки. Что касается семантических калек, то на данном уровне разработки проблемы можно лишь отметить существование одноразовых семантических калек, т. е. встретившихся однократно в каком-либо переводном произведении (это, так сказать, семантические кальки-гапаксы), и семантических калек, воспринятых языком (именно о них идет речь в упомянутой выше работе М. М. Копыленко, поскольку автор имеет в виду перспективную связь с современным русским языком).

< Семантические кальки по своей внешней форме принадлежат переводящему языку, во внутренней же форме произошел перенос семантики лексемы исходного языка в язык переводящий. Таким образом, по внешней форме семантические кальки родственны эквиваленту — именно поэтому так трудно отличить в переводе семантическую кальку от эквивалента,

¹ Здесь и далее упрощаем графику по правилам, принятым в «Слова е русского языка XI—XVII вв.» (СлРЯ XI—XVII вв.) [13, вып. 1, с. 15].

² При ссылке на Хрон. И. Малала римской цифрой указываем номер книги.

и выявление каждой семантической кальки представляет собой серьезную филологическую работу; по способу семантического наполнения внутренней формы семантические кальки родственны заимствованиям — на этом основании некоторые исследователи считают семантические кальки разновидностью заимствований.

Ниже приводятся два образца семантических калек в переводных текстах. Πάντα δουλεύοντα πρὸς γυμνασίαν τοῦ λογικοῦ Cosm. Ind., стлб. 153 — четвероногия чстыа на пищу и на одежду, а скоть на работу и на упокои, а звѣри на красоту и въ страхъ, гад же такожде работаа всему обножению словеснаго, и потребьное имуща члвкa ради Козма Инд., с. 47. Семантика слова *обнажение* (здесь: *обножение*) по данным картотеки СЛРЯ XI—XVII вв. такова: «оголение», «пагота», «лишение чего-либо»; у Срезневского «оголение», «лишение» (Срезн., т. II, стлб. 564), в SJS: «обнажение, пагота»; fig. solitudo (вып. 22, с. 480). Однако здесь, как показывает общий смысл отрывка, реализовано вторичное значение исходного греческого слова γυμνασία «умственные упражнения» или, может быть, «опыт, практика», ср. — первоначально γυμνασία означало «упражнения обнаженных борцов и атлетов». Такая семантика отмечена в словаре Лидделл — Скотта (т. I, с. 362), данные Софоклеса (с. 341) не противоречат материалам Лидделл — Скотта. Таким образом, следует признать, что в данном контексте в слово *обнажение* привносится значение исходной греческой лексемы, и — в результате — появляется семантическая калька. Другой пример. В Хрон. И. Малалы, писателя VI в., разбирается архаическое понимание происхождения мира: ... ὅτι ἐξ ἀρχῆς ἀνεδείχθη τῷ χρόνῳ ὁ αἰθήρ ἀπὸ τοῦ θεοῦ δημιουργηθεὶς, καὶ ἐντεῦθεν κάκισθεν τοῦ αἰθέρος ἦν χάος, καὶ νῦξ ἕσπερα πάντα κατεῖχε καὶ ἐκάλυπτε τὰ ὑπὸ τὸν αἰθέρα Mal., с. 74 — суть же, яже списа Орфеузь си: яко ж(е) испрѣва быс(ть) от бга сътворенъ въздухъ лѣту и потомъ подъ въздухомъ бѣ пропасть, ноць темна все одрѣжащи и покрывающи яже бяху под въздухомъ IV с. 357. Рассмотрим семантику слова *пропасть*, которое соответствует греческому χάος. По данным картотеки СЛРЯ XI—XVII вв., значения исследуемой лексемы таковы: «глубокая яма, рытвина, провал»; «ущелье, пропасть»; «гибель, могила». У Срезн.: «яма, овраг (?)»; «ущелье, горная расселина»; «пропасть»; «бездна, глубина»; «гибель» (т. II, стлб. 1554—1555). В SJS: «расселина, яма» — ὄπη, τρώγλη; «пропасть», «бездна» — χάσμα, σχισμὴ (вып. 30, с. 362). Сравним эти данные с семантикой слова χάος. В словаре Лидделл — Скотта χάος: — «первичное состояние мира»; «воздушное пространство»; «бесконечный мрак»; «бездонная пропасть, бездна» (т. II, с. 1976). Таким образом, оказывается, что первое, специальное, значение слова χάος перенесено на славянское *пропасть*, которое становится вследствие этого семантической калькой. Интересно, что в латинском переводе «Хроники» к исходному греческому слову не подыскивался латинский эквивалент, что свидетельствует о стремлении выделить его специфику: Aetherem autem Chaos undique cinxisse Mal., с. 74.

Внешняя форма словообразовательных калек принадлежит переводящему языку: «из исконного языкового материала создается слово, ... воспроизводящее строение иноязычного образца» [15], однако при этом не происходит (специально подчеркиваем это!) переноса смысловой наполненности каждой морфемы, входящей в состав сложного слова, или результата их сложения в исходной лексеме во вновь созданное слово в переводе, поскольку в словообразовательной кальке для получения сходного смысла играют роль сочетания морфологических элементов переводящего языка, иными словами, чтобы понять словообразовательную кальку, не нужен оригинал — смысл слова возникает в результате сложения морфем и их оформления по правилам переводящего языка. По словам Б. Уйбегауна, сложные слова всегда ощутимо представляют внутреннюю форму [3, с. 22]. Вспомним также в связи с этим важное высказывание Л. А. Булаховского о самостоятельной значимой роли сочетания морфологических элементов в языке: «Если оставить в стороне переносное словопользование, одинаково невозможное вне контекста во всех языках во-

обще, то нужно заметить, что, хотя любой язык... в принадлежащих его словам значениях сильнейшим образом зависит от контекстов, живых сочетаний слов, — языки отличаются друг от друга по степени значения для понимания изолированных слов... Чем богаче языки морфологически, тем большую, хотя и относительную, независимость проявляют принадлежащие к ним слова» [16, с. 30]. Как доказательство этого положения заметим, что не меняет семантики словообразовательных калек встречающаяся (хотя и редко) мена мест компонентов в словах такого типа: φιλαδέλφιας — *братолюбие* Изб. Св. 1076 г., с. 465 и τὸ φιλάδελφον Greg. Naz., стлб. 724 — *любообращение* Гр. Наз., с. 175; *властолюбие* (встретилось только в памятнике XVI в.) [13, вып. 2, с. 221], у Срезн. т. I, стлб. 273 зафиксировано слово того же состава *властолюбьць* из Ефр. Корм. — ср. в Панд. Ант. (Амф.) φιλαρχίας — *любовластие* (с. 63).

Примеры словообразовательных калек можно привести из статьи Л. В. Вядкиной, посвященной анализу сложных слов в «Ефремовской кормчей»: *баснословие* — μῦθολογία (μῦθος «слово, миф», λόγος «слово»); *златоустыи* — χρυσόστομος (χρυσός «золото», στόμα «рот, уста»); *новопроещении* — νεοφωτιστός (νέος «новый», φωτίζω «освещать», «открывать») и др. [14, с. 108]. Значение словообразовательных калек в чистом виде вполне определимо вне контекста. Таким образом, словообразовательные кальки очень близки к словообразовательным эквивалентам, единственное, однако немаловажное, отличие их друг от друга заключается в разности происхождения (генетический признак): если эквиваленты становятся собственно эквивалентами только в переводе с другого языка, существуя в качестве самостоятельной лексемы в языке, то словообразовательные кальки, будучи следствием перевода, являются новообразованиями, возникающими под влиянием исходного языка.

Однако если бы дело обстоило только так, как описано выше, в основном были бы уже ясны взаимосвязи эквивалентов, заимствований и двух типов калек. Но материал переводных памятников оказывается сложнее. Остановимся на отдельных моментах. Так, в переводах встречаются лексемы, по внешней форме представляющие собой либо словообразовательные кальки, либо словообразовательные эквиваленты (т. е. двукорневое или приставочно-суффиксальное образование), однако семантика их без привлечения оригинала остается неясной, что говорит об их внутреннем родстве с семантическими кальками. Следовательно, можно говорить о существовании семантического подтипа словообразовательных калек, если признать ведущим признаком внешнюю форму, или, что абсолютно равнозначно, структурного подтипа семантических калек, если признать ведущим признаком условия наполнения внутренней формы. Назовем их семантическими словообразовательными кальками. Эта разновидность калек обнаруживает единство в диалектически противоположных явлениях — в структурном и семантическом типах. К примеру, в «Космографии» Козьмы Индикоплова встретились такие слова: *образописание* (нѣдѣи бо ветхихъ философъ до конца вселенную размотривше и образующиюще...) Козма Инд., с. 28 —... ἱστοριογραφίαντες Cosm. Ind. 116 и *образописецъ* (съ бо Ефоръ бысть образописецъ, якоже в четвертомъ его писании сиа списавъ повѣда...) Козма Инд., с. 28 — ἱστοριογράφος... Cosm. Ind., 116. Семантика второго компонента исходных и переводящих слов совпадает, что касается первого, то разница очевидна. Приведем значения слова *образъ* из «Материалов» И. И. Срезневского: «вид, образ»; «вид, подобие»; «призрак»; «изображение»; «икона, образ»; «образец, пример»; «знак, символ»; «чин, сан»; «способ, образ»; «форма»; «естество»; «грамматический термин» (Срезн. т. II, стлб. 539—542); по данным картотеки СлРЯ XI—XVII вв.: «вид, образ»; «внешний вид»; «облачение, одежда»; «изображение, изваяние, портрет»; «икона, образ»; «символ, знак»; «вид, форма, род»; «прообраз, образец»; «иллюстративный пример»; «способ, образ»; «образ действий»; «сущность, идея»; «грамматический термин». В SJS: «вид, образ»; «облачение, одежда», «звание», «сословие»; «вид», «форма», «внешний вид, форма», «persona»; «color»;

«изображение, образ, икона, изваяние»; «символ, знак»; «прообраз, образец, пример»; «пример»; «способ, образ»; «нравы, поведение» (вып. 22, с. 484—486). Как видим, памятники письменности не дают оснований говорить о наличии у слова *образъ* значения «история, историческое сочинение», которое выявляется в первом компоненте разбираемых слов. С другой стороны, интересно отметить, что Софоклес фиксирует в своем словаре у *ἱστορία* значение «picture, painting», т. е. «картина, рисунок» (поми-мо главного: «historia, history» и производных *ἱστοριογράφω* — «to write history»; *ἱστοριογράφος* — «historiographus, historian» с. 607), что вполне соотносится с возможным славянским переводом *образъ*. Кстати добавим, что в Хрон. Г. Амарт. сходным образом переданы исходные греческие слова того же корня: *ἱστορικοί*... Georg. Namart., с. 1 — образници... с. 27; *ἱστορίσαν*... ἐκ παλαιᾶς ἱστορίας Georg. Namart., с. 40 — изобразиша... из ветхаго образствия с. 51. Видимо, и в том, и в другом памятнике мы имеем дело с семантическими кальками, поскольку происходит переосмысление славянских слов под влиянием семантики исходных греческих лексем; в примерах из «Космографии» Козьмы Индикоплова скопированы внешние формы переводимых слов, что побуждает нас считать *образо-пишуще* и *образописецъ* семантическими словообразовательными кальками. Приведем еще в качестве примера слово *лежахъ*, мн. *лежеси* [в глоссарии Р. Айтцетмюллера *лежахъ (-сѣ?)*] (более поздние варианты *лежаси, лежасы*), встретившееся в «Шестодневе» Иоанна Экзарха: Блсвите, море и рѣкы, господа, блсвите, лежеси и все ходещее въ водахъ Joann. Ex., 255b³. Суммируя семантические данные, которые дает морфологическая структура слова и смысловое значение корня, можно привести такое предположительное толкование: «то, что лежит; вообще о чем-либо лежащем». Внешней формой славянская лексема отражает строение исходного греческого слова *τὰ κήτη*, соотнесенного переводчиком с глаголом *κείμε* «лежать». Однако семантика славянского слова вполне конкретна и терминологична — *лежахъ* «кит, крупное морское животное». Этот факт побуждает нас признать слово *лежахъ* семантической словообразовательной калькой.

Итак, сравнив интересующие нас феномены между собой, мы замечаем, что внутренняя форма отдельно взятой искомой лексемы в переводящем языке (семантические данные) остается независимой от изменений, происходящих извне: варьируется внешняя форма и условия семантического наполнения. Таким образом, гипотетически можно представить себе некое греческое слово, передающееся в переводе путем подбора: 1) эквивалента, 2) словообразовательного эквивалента, 3) заимствования, 4) семантической кальки, 5) словообразовательной кальки, 6) семантической словообразовательной кальки. Хотим заметить, что картина вариантности в переводах гораздо многообразнее. Всестороннее описание ее еще предстоит науке. Развивая гипотезу, можно предсказать взаимозаменяемость этих феноменов в каком-либо переводе. В действительности же в любом отдельно взятом памятнике такого разнообразия в передаче одного греческого слова не наблюдаем, однако некоторые из описанных видов сосуществуют.

В славянском переводе Хрон. Г. Амарт. находим примеры передачи исходного греческого слова со сложной морфологической структурой то эквивалентом, то словообразовательной калькой: 1) *εὐδοκίῳ ἐν αὐτῷ*... Georg. Namart., с. 392 — и съзижѣте домъ, и блгоизволю на нь... Хрон. Г. Амарт., с. 272, *εὐδοκίας* ... с. 627 — бие слово изволи възискати... с. 411; 2) *θανατηφόρον* ... с. 258 — [вода] смртоносна... с. 181, *θανατηφόρον* ... с. 74 — отравна... смртная... с. 70; 3) *ὡς θεολόγηται* ... с. 703 — прознаменуа яко боучителя... с. 452, *ὁ θεολόγης Χριστότομος* ... с. 683 — учтль Златаустецъ... с. 441 и мн. др.

³ Слово зафиксировано в СлРЯ XI—XVII вв. [13, вып. 8, с. 198], автор-составитель этой словарной статьи А. Н. Шаламова. Кстати, *лежахъ* как пример «усердного нуризма» приводится (без ссылки на источник) у Л. А. Булаховского [16, с. 126].

В славянском переводе Хрон. И. Малалы можно отметить такие варианты передачи одной исходной лексемы.

1. Заимствование — семантическая словообразовательная калька: *φιλοσόφει παρ' Ἑλλησιν Ἀναξίμανδρος ... Mal.*, с. 158 — философъ же бѣ въ Еллинѣхъ Анаксимадрѣ... VI с. 9, *ἐν δὲ τοῖς αὐτοῖς χρόνοις φιλοσόφει Ἴπποκράτης ... с. 85* — въ та ж(е) лѣта любомудрствоваше Ипократись... IV, с. 364.

2. Заимствование — эквивалент: ... *καλοῦσι γίγαντας ... с. 202* —... нарицають гиганты... VIII с. 5, ... *ὄφρα ἐν τῇ αὐτῇ χώρᾳ γίγαντας οἰκίσαντας ... с. 202* — обрѣте бо въ той странѣ щюды живша... VIII с. 5.

В Патерике Сн. встречаются следующие разновидности лексического варьирования⁴.

1. Заимствование — семантическая калька *μὴ προσκυνήσης ταύτη τῇ εἰκόνι ... Joann. Mosch.*, стлб. 2900 — не поклоняи ся сему образу... с. 97, *εἶχεν δὲ ἡ εἰκὼν τὸ ἐκτόπιμα τῆς Δεσποίνης ἡμῶν ...* (там же) — бшае бо икона влѣдця наша бѣя Марія (там же).

2. Заимствование — эквивалент: *ὁ εὐνούχος ... стлб. 2892* — авва Козма скопць... с. 88, *τοῦ εὐνούχου ... стлб. 3056* — въ манастрь оца Иоана каженика... с. 292, *εὐνούχος ... стлб. 3057* — ть же авва Иоанъ емнохъ... с. 294.

3. Заимствование — словообразовательная семантическая калька: *εὐλογία ... стлб. 2896* — мы одино блгвление... с. 93, *ἀπὸ πάντε εὐλογιῶν ... стлб. 2941* — възимати... по еѢ-евлогии и мѣдьяницъ е... с. 153.

4. Заимствование — словообразовательная калька *σύγγελος ... стлб. 2896* — быс(тъ) же блаженны съ Евстохию ськлѣтьникъ... с. 94, *ὡς ἡμῶν σύγγελος ... стлб. 3012* — сущю ми суклѣтьнику стго оца Евлогия... с. 241, *σύγγελος ... стлб. 2989* — сункель с. 213.

Примеры можно увеличить. И без того сложная, картина лексического варьирования, отражающая технику и методику раннеславянского перевода на этапе формирования литературного языка, на самом деле еще сложнее. Мы не учитывали здесь особую роль глосс в системе лексического варьирования, оставили без внимания неологизмы, иноязычные вкрапления, включающиеся во взаимоотношения рассмотренных феноменов, и многие другие явления. Возвращаясь к приведенным в начале статьи противоречивым объяснениям причин появления лексического варьирования в переводных памятниках, скажем, что в данном исследовании мы стремились не к определению мотивировки возникновения этого явления, а к выяснению внутриязыковых возможностей переводящего языка, которые выражаются в самом существовании факта лексического варьирования.

ИСТОЧНИКИ

Изб. Св. 1073 г.¹ — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Спб., 1880.

Изб. Св. 1073 г.² — ЧОИДР, октябрь — декабрь, 1882, кн. 4. М., 1883.

Georg. Namart.— Georgii Monachi Chronicon. Ed. C. De Boor. V. I—II. Lipsiae, 1904.

Хрон. Г. Амарт.— *Истрия В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Пг., 1920.

Хрон. И. Малалы — *Истрия В. М.* «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе: кн. 4 — Летопись Ист.-филол. общ-ва при Новороссийском ун-те (Летопись), т. XIII. Одесса, 1905; кн. 5 — Летопись, т. XVI. Одесса, 1910; кн. 6 — Сб. ОРЯС, 1911, т. LXXXIX, № 3; кн. 8 — Сб. ОРЯС, 1912, т. LXXXIX, № 7; кн. 10 — Летопись, т. XVII. Одесса, 1913.

Mal.— Joannis Malalae Chronicon, ges. L. Dindorf. Bonnæ, 1831.

Ефр. Корм.— Древнеславянская кормчая. XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. Спб., 1907.

Патерик Сн.— Синайский патерик. Изд. подготовили Гольшешко В. С., Дубровина В. Ф. М., 1967.

Козма Инд.— Книга глаголема Козмы Индикоплова. Изд. общества любителей древней письменности, № 86. Спб., 1886.

⁴ Подробный материал по лексическому варьированию в этом памятнике, трактуемый иначе, см. [11, с. 54—57].

Cosm. Ind.— *Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca* (PG), t. 88 Parisiis, 1860.

Срезн.— *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. I. Спб., 1893; т. II. Спб., 1895.

SJS— *Slovník jazyka staroslověnského*. Вып. 22. Praha, 1972; Вып. 30. Praha, 1976.

Лидделл — Скотт — *Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon*. Т. I—II. Oxford, 1940.

Софоклес — *Sophocles E. A. Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods*. Boston, 1870.

Изб. Св. 1076 г.— Изборник 1076 г. Изд. подготовили Гольшешенко В. С., Дубровина В. Ф., Нефедов Г. Ф. М., 1965.

Greg. Naz.— PG, t. 35. Parisiis, 1857.

Гр. Наз.— XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публ. Библиотеки XI века. Критико-палеографический труд А. Будиловича. Спб., 1875.

Панд. Ант. (Амф.).— Словарь из Пандекта Антиоха XI века. Труд архимандрита Амфилохия. М., 1880.

Joann. Ex.— *Attzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Joannes*. V. 1—7. Graz, 1958—1975.

Joann. Mosch.— PG, t. 87, ps. 3. Parisiis, 1860.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грот Я. К. Филологические разыскания Я. Грота*. 2-е изд. Т. I. Спб., 1876, с. 2.
2. *Richter E. Fremdwortkunde*. Leipzig, 1919, S. 86.
3. *Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires*.— RĚS, 1932, t. XII.
4. *Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen*. Berlin — Wiesbaden, 1958.
5. *Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts*.— *Studia Slavica*, 1964, t. X, fasc. 1—2, p. 131.
6. *Ефремов Л. П. Основы теории лексического калькирования*. Алма-Ата, 1974.
7. *Стеpaјac L. Prilog proučavanju grčkih semantičkih pozajmljenica i prevedenica u srpskohrvatskom*.— *Ziva antika*, 1978, t. XXVIII.
8. *Стеpaјac L. Značaj grčkih prevedenica i semantičkih pozajmljenica za obrazovanje evropske kulturne leksiķe*.— *Ziva antika*, 1980, t. XXX.
9. *Копыленко М. М. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности*.— *Византийский временник*, 1973, т. 34.
10. *Верещагин Е. М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества*.— ВЯ, 6, 1982.
11. *Дубровина В. Ф. Из наблюдений над употреблением гречизмов в переводном тексте русской рукописи XI в.*— В кн.: *Источниковедение и история русского языка*. М., 1964.
12. *Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия*. М., 1972, с. 61.
13. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1—10. М., 1975—1983.
14. *Вялкина Л. В. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала (на материале Ефремовской кормчей)*.— В кн.: *Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка*. М., 1964.
15. *Русский язык: Энциклопедия*. М., 1979, с. 108.
16. *Булаговский Л. А. Введение в языкознание*. Ч. II. М., 1953.